

АРКАДИЙ и БОРИС
СТРУГАЦКИЕ

**ПОНЕДЕЛЬНИК
НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ**

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

Москва
Издательство АСТ

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

Говорят, книги — дети своих создателей-авторов. Да, наверное, это так.

В таком случае я, как сын своего отца, могу нескромно констатировать некую родственную связь с книгами братьев Стругацких. Скажем так: произведения АБС — мои братья. Разумеется, старшие братья, гораздо более мудрые, прозорливые и опытные.

Не бывает братьев более или менее любимых. Случается, конечно, что с кем-то из них ты встречаешься чаще, с кем-то реже, но любишь-то всех! Так же у меня с повестями и романами братьев Стругацких: что-то перечитываю регулярно, к чему-то могу не возвращаться годами, но люблю абсолютно всё и даже не пытаюсь расставить по ранжиру.

В книгу, которую вы держите в руках, вошли, вероятно, три самые популярные повести Стругацких. Самые популярные во всех смыслах: и по читательской любви, и по количеству тиражей и переизданий, и по числу зарубежных переводов. И это вполне заслуженно: произведения совершенно разные, абсолютно не похожие друг на друга, но при этом настолько выдающиеся, яркие и самобытные, что мало что может сравниться с ними не только в российской, но и в мировой фантастике!

Если кто-то увлекается рок-музыкой (которой и я увлечен уж лет сорок!), то поймет следующие параллели. «Поне-

дельник» сродни рок-н-роллу и ранним «Битлз» — веселый, искрометный; энергия и выдумка бьет фонтаном. «Трудно быть богом» — серьезный хард-рок масштаба «Дип Пёрпл» и «Лед Зеппелин», отличающийся виртуозностью исполнения и многочисленными импровизациями. Ну а «Пикник» — это уже арт-рок или прогрессив-рок наподобие «Пинк Флойд» или Эмерсона — бездонная глубина мысли, космический масштаб...

Короче говоря, читайте Стругацких! Если вы хотите научиться думать, сопоставлять факты и реальность, а также критически относиться к окружающей действительности и «подвергать всё сомнению» — без Стругацких вам не обойтись!

И обязательно неоднократно перечитывайте. Ведь именно Стругацкие говорили: «Настоящий читатель не тот, который читает, а тот, который перечитывает!»

Андрей Борисович Стругацкий

ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ

СКАЗКА ДЛЯ НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ
МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты, признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю.

Н. В. Гоголь

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

СУЕТА ВОКРУГ ДИВАНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим жёлтой осокою. Солнце садилось уже который час, всё никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

— Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбался, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

— Давайте садитесь,— сказал я.— Один вперёд, другой назад, а то у меня там барахло, на заднем сиденье.

— Благодетель! — обрадованно произнёс горбоносый, снял с плеча ружьё и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

— А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свёрнутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружьё между колен.

— Дверцу прикройте получше,— сказал я.

Всё шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживлённо заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и всё хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите,— посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида.— У вас плащ защемляется». Минут через пять всё наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» — «Да,— ответил горбоносый.— Или немножко больше. Дорога, правда, неважная — для грузовиков». — «Дорога вполне приличная,— возразил я.— Мне обещали, что я вообще не проеду». — «По этой дороге даже осенью можно проехать». — «Здесь — пожалуй, но вот от Коробца — грунтовая». — «В этом году лето сухое, всё подсохло». — «Под Затонью, говорят, дожди», — заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» — спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин,— сказал горбоносый, разглядывая пачку.— Вы из Ленинграда?» — «Да».—

ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ

«Путешествуете?» — «Путешествую,— сказал я.— А вы здешние?» — «Коренные»,— сказал горбоносый. «Я из Мурманска»,— сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск — одно и то же: Север»,— сказал горбоносый. «Нет, почему же»,— сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» — спросил горбоносый. «Конечно,— сказал я.— Я в Соловец и еду».— «У вас там родные или знакомые?» — «Нет,— сказал я.— Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас — точка randevу».

Впереди я увидел большую россыпь камней, притормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взрывал, камни били в днище. «Бедная машина»,— сказал горбоносый. «Что делать...» — сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на своей машине».— «Я бы поехал»,— сказал я. Россыпь кончилась. «А, так это не ваша машина»,— догадался горбоносый. «Ну, откуда у меня машина! Это прокат».— «Понятно»,— сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. Я почувствовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта».— «Да, конечно»,— вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола»,— заявил я. «Глупо,— сказал бородатый.— Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если уж покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колоссально! — воскликнул горбоносый.— Программист! Нам нужен именно программист. Слушайте, бросайте ваш институт и пошли к нам!» — «А что у вас есть?» — «Что у нас есть?» — спросил горбоносый поворачиваясь. «Алдан-3»,— сказал бородатый. «Богатая ма-

---

шина,— сказал я.— И хорошо работает?» — «Да как вам сказать...» — «Понятно»,— сказал я. «Собственно, её ещё не отладили,— сказал бородатый.— Оставайтесь у нас, отладите...» — «А перевод мы вам в два счёта устроим»,— добавил горбоносый. «А чем вы занимаетесь?» — спросил я. «Как и вся наука,— сказал горбоносый.— Счастьем человеческим». — «Понятно,— сказал я.— Что-нибудь с космосом?» — «И с космосом тоже»,— сказал горбоносый. «От добра добра не ищут»,— сказал я. «Столичный город и приличная зарплата»,— сказал бородатый негромко, но я услышал. «Не надо,— сказал я.— Не надо мерять на деньги». — «Да нет, я пошутил»,— сказал бородатый. «Это он так шутит,— сказал горбоносый.— Интереснее, чем у нас, вам нигде не будет». — «Почему вы так думаете?» — «Уверен». — «А я не уверен». Горбоносый усмехнулся. «Мы ещё поговорим на эту тему,— сказал он.— Вы долго пробудете в Соловце?» — «Дня два максимум». — «Вот на второй день и поговорим». Бородатый заявил: «Лично я вижу в этом перст судьбы — шли по лесу и встретили программиста. Мне кажется, вы обречены». — «Вам действительно так нужен программист?» — спросил я. «Нам позарез нужен программист». — «Я поговорю с ребятами,— пообещал я.— Я знаю недовольных». — «Нам нужен не всякий программист,— сказал горбоносый.— Программисты — народ дефицитный, избаловались, а нам нужен небалованный». — «Да, это сложнее»,— сказал я. Горбоносый стал загибать пальцы: «Нам нужен программист: а — небалованный, бэ — доброволец, цэ — чтобы согласился жить в общежитии...» — «Дэ,— подхватил бородатый,— на сто двадцать рублей». — «А как насчёт крылышек? — спросил я.— Или, скажем, сияния вокруг головы? Один на тысячу!» — «А нам всего-то один и нужен»,— сказал горбоносый. «А если их всего девятьсот?» — «Согласны на девять десятых».

ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ

Лес расступился, мы переехали через мост и покати-ли между картофельными полями. «Девять часов,— сказал горбоносый.— Где вы собираетесь ночевать?» — «В машине переночую. Магазины у вас до которого часа работают?» — «Магазины у нас уже закрыты»,— сказал горбоносый. «Можно в общежитии,— сказал бородатый.— У меня в комнате свободная койка». — «К общежитию не подъедешь»,— сказал горбоносый задумчиво. «Да, пожалуй»,— сказал бородатый и почему-то засмеялся. «Машину можно поставить возле милиции»,— сказал горбоносый. «Да ерунда это,— сказал бородатый.— Я несу околесицу, а ты за мной вслед. Как он в общежитие-то пройдёт?» — «Д-да, чёрт,— сказал горбоносый.— Действительно, день не поработаешь — забываешь про все эти штуки». — «А может быть, трансгрессировать его?» — «Ну-ну,— сказал горбоносый.— Это тебе не диван. А ты не Кристоаль Хунта, да и я тоже...»

— Да вы не беспокойтесь,— сказал я.— Переночую в машине, не первый раз.

Мне вдруг страшно захотелось поспать на простынях. Я уже четыре ночи спал в спальном мешке.

— Слушай,— сказал горбоносый,— хо-хо! Знакурнож!

— Правильно! — воскликнул бородатый.— На Лукоморье его!

— Ей-богу, я переночую в машине,— сказал я.

— Вы переночуете в доме,— сказал горбоносый,— на относительно чистом бельё. Должны же мы вас как-то отблагодарить...

— Не полтинник же вам совать,— сказал бородатый.

Мы въехали в город. Потянулись старинные крепкие заборы, мощные срубы из гигантских почерневших брёвен, с неширокими окнами, с резными наличниками, с деревянными петушками на крышах. Попалось несколько грязных кирпичных строений с железными дверями, вид которых вынес у меня из памяти полужнакомое слово «лабаз». Улица была прямая и широкая и называлась проспектом Мира. Впереди,

---

ближе к центру, виднелись двухэтажные шлакоблочные дома с открытыми сквериками.

— Следующий переулоч направо,— сказал горбоносый.

Я включил указатель поворота, притормозил и свернул направо. Дорога здесь заросла травой, но у какой-то калитки стоял, приткнувшись, новенький «Запорожец». Номера домов висели над воротами, и цифры были едва заметны на ржавой жести вывесок. Переулоч назывался изящно: «Ул. Лукоморье». Он был неширок и зажат между тяжёлых старинных заборов, поставленных, наверное, ещё в те времена, когда здесь шастали шведские и норвежские пираты.

— Стоп,— сказал горбоносый. Я тормознул, и он снова стукнулся носом о ствол ружья.— Теперь так,— сказал он, потирая нос.— Вы меня подождите, а я сейчас пойду и всё устрою.

— Право, не стоит,— сказал я в последний раз.

— Никаких разговоров. Володя, держи его на мушке.

Горбоносый вылез из машины и, нагнувшись, протиснулся в низкую калитку. За высоченным серым забором дома видно не было. Ворота были совсем уже феноменальные, как в паровозном депо, на ржавых железных петлях в пуд весом. Я с изумлением читал вывески. Их было три. На левой воротине строго блестя толстым стеклом синяя солидная вывеска с серебряными буквами:

НИИЧАВО

Изба на куриных ногах

Памятник соловецкой старины

На правой воротине сверху висела ржавая жестяная табличка: «Ул. Лукоморье, д. № 13, Н. К. Горыныч», а под нею красовался кусок фанеры с надписью чернилами вкривь и вкось:

ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ

КОТ НЕ РАБОТАЕТ

Администрация

— Какой КОТ? — спросил я. — Комитет Оборонной Техники?

Бородатый хихикнул.

— Вы, главное, не беспокойтесь, — сказал он. — Тут у нас забавно, но всё будет в полном порядке.

Я вышел из машины и стал протирать ветровое стекло. Над головой у меня вдруг завозились. Я поглядел. На воротах умащивался, пристраиваясь поудобнее, гигантский — я таких никогда не видел — чёрно-серый, с разводами, кот. Усевшись, он сыто и равнодушно посмотрел на меня жёлтыми глазами. «Кис-кис-кис», — сказал я машинально. Кот вежливо и холодно разинул зубастую пасть, издал сиплый горловой звук, а затем отвернулся и стал смотреть внутрь двора. Оттуда, из-за забора, голос горбоносого произнёс:

— Василий, друг мой, разрешите вас побеспокоить.

Завизжал засов. Кот поднялся и бесшумно канул во двор. Ворота тяжело закачались, раздался ужасающий скрип и треск, и левая воротина медленно отворилась. Появилось красное от натуги лицо горбоносого.

— Благодетель! — позвал он. — Заезжайте!

Я вернулся в машину и медленно въехал во двор. Двор был обширный, в глубине стоял дом из толстых брёвен, а перед домом красовался приземистый необъятный дуб, широкий, плотный, с густой кроной, заслоняющей крышу. От ворот к дому, огибая дуб, шла дорожка, выложенная каменными плитами. Справа от дорожки был огород, а слева, посередине лужайки, возвышался колодезный сруб с воротом, чёрный от древности и покрытый мохом.

Я поставил машину в сторонке, выключил двигатель и вылез. Бородатый Володя тоже вылез и, прислонив ружьё к борту, стал прилаживать рюкзак.

— Вот вы и дома,— сказал он.

Горбоносый со скрипом и треском затворял ворота, я же, чувствуя себя довольно неловко, озирался, не зная, что делать.

— А вот и хозяйка! — вскричал бородатый.— По здорову ли, баушка, Наина свет Киевна!

Хозяйке было, наверное, за сто. Она шла к нам медленно, опираясь на суковатую палку, волоча ноги в валенках с галошами. Лицо у неё было тёмно-коричневое; из сплошной массы морщин выдавался вперёд и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза были бледные, тусклые, словно бы закрытые бельмами.

— Здравствуй, здравствуй, внучек,— произнесла она неожиданно звучным басом.— Это, значит, и будет новый программист? Здравствуй, батюшка, добро пожаловать!..

Я поклонился, понимая, что нужно помалкивать. Голова бабки поверх чёрного пухового платка, завязанного под подбородком, была покрыта весёленькой капроновой косынкой с разноцветными изображениями Атомиума и с надписями на разных языках: «Международная выставка в Брюсселе». На подбородке и под носом торчала редкая седая щетина. Одежда была бабка в ватную безрукавку и чёрное суконное платье.

— Таким вот образом, Наина Киевна! — сказал горбоносый, подходя и обтирая с ладоней ржавчину.— Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

— А не надо,— сказала старуха, пристально меня рассматривая.— Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казённом доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...

— Гхм! — громко сказал горбоносый, и бабка осеклась. Воцарилось неловкое молчание.

ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ
